

British Colonial Heraldry as a Reflection of Imperial Building in the late 18th – Early 20th Centuries

Lidia V. Antonova (a), & Dmitry V. Mikheev (b)

(a) Pskov State University. Pskov, Russia. Email: antonova.lidia.24@yandex.ru
 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2283-6664>

(b) The Herzen State Pedagogical University of Russia; Pskov State University. Pskov, Russia.
 Email: tankred85@mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9263-0234>

Received: 15 September 2024 | Revised: 29 October 2024 | Accepted: 7 November 2024

Abstract

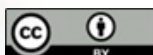
The article examines the heraldry of the British imperial possessions and its transformation in the late 18th – early 20th centuries. Heraldic symbols are analyzed in the context of British imperial building and rivalry of European powers for colonies, the periodic transition of the latter from the authority of one metropolis to another, the political and administrative status of dependent territories, their geopolitical and economic significance.

Based on a number of publications of collections of coats of arms and flags of British possessions, it was possible to analyze several dozens of coats of arms and heraldic badges of both the largest British colonies and dominions, and small imperial possessions of varying status. Coats of arms of individual provinces, cities, and individuals were also used.

It was possible to trace how traditional British symbols were integrated into colonial heraldry: the Union Jack, heraldic lions and leopards, the allegorical figure of Britain, crowns, ships, etc. Their use substantiated the right to own a colony, the legality and necessity of the British presence there. The issue of the reasons for the appearance of symbols of other powers on individual coats of arms was studied, too. These two categories of symbols, on the one hand, retained their traditional meaning, and on the other, those were endowed with new meanings that met the tasks of British imperial construction. Local symbols that referred to the peculiarities of nature, and the economic life of the colonies were also considered. Those were called upon to prove the need for the British presence to protect the colonists or based on the idea of London's civilizing mission in relation to the subject peoples, for whose benefit and prosperity the British colonial empire was created.

Keywords

British Empire; Image of the Other; Heraldry; Colonial Policy; Imperial Rivalry; France; Holland; Spain

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Британская колониальная геральдика как отражение имперского строительства в конце XVIII – начале XX века

Антонова Лидия Владимировна (а), Михеев Дмитрий Владимирович (б)

(а) Псковский государственный университет. Псков, Россия.

Email: antonova.lidia.24[at]yandex.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2283-6664>

(б) Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Псковский государственный университет. Псков, Россия. Email: tankred85[at]mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9263-0234>

Рукопись получена: 15 сентября 2024 | Пересмотрена: 29 октября 2024 | Принята: 7 ноября 2024

Аннотация

В статье исследуется геральдика британских имперских владений и её трансформация в конце XVIII – начале XX в. Геральдическая символика анализируется в контексте имперского строительства и соперничества европейских держав за колонии, периодического перехода последних из-под власти одной метрополии к другой, политико-административного статуса зависимых территорий, их геополитического и экономического значения.

На основе ряда изданий сборников гербов и флагов британских владений удалось проанализировать несколько десятков гербов и геральдических бейджей как крупнейших британских колоний и доминионов, так и небольших имперских владений разного статуса. Привлекались также гербы отдельных провинций, городов, частных лиц.

В результате удалось проследить, как в колониальную геральдику интегрировались традиционные британские символы: Юнион-Джек, геральдические львы и леопарды, аллегорическая фигура Британии, имперские короны, корабли и др. Их использование обосновывало право на обладание колонией, законность и необходимость британского присутствия здесь. Был освещен вопрос о причинах появления на отдельных гербах символов других держав: французских геральдических лилий, различных испанских, голландских, португальских элементов. Эти две категории символов, с одной стороны, сохраняли традиционное значение, с другой, наделялись новыми смыслами, отвечавшими задачам британского имперского строительства. Также рассмотрены местные символы, отсылавшие к особенностям природы, хозяйственной жизни колоний, которые были призваны доказать необходимость британского присутствия для защиты колонистов или исходя из идеи цивилизаторской миссии Лондона по отношению к подвластным народам, к благу и процветанию которых и создавалась Британская колониальная империя.

Ключевые слова

Британская империя; образ Другого; геральдика; колониальная политика; имперское соперничество; Франция; Голландия; Испания

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Колониальное соперничество крупнейших империй в XVIII – начале XX в. отмечено тем, что многие территории неоднократно переходили из владения одной державы к другой. На протяжении этого периода Британия непрерывно расширяла свои заокеанские владения. Различные зависимые территории вошли в состав империи разным путём: посредством колонизации неосвоенных земель; вследствие военного захвата; цессией и т. д. Многие колонии были отторгнуты от владений других метрополий: Франции, Голландии, Испании. Ко второй половине XIX в. Британская держава была больше, чем формальная территориальная империя, и охватывала исключительный диапазон политико-административных, дипломатических, торговых и культурных отношений. Владения империи включали «белые» переселенческие колонии (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка), где подавляющее большинство населения составляли эмигранты из Европы. С точки зрения культуры, религии и менталитета они являлись частью западного мира. В то же время были и туземные колонии, где преобладало аборигенное население: Индия, Вест-Индия, Цейлон, Бирма. По статусу территорий в системе имперских связей их можно подразделить на управляемые колонии (в том числе огромную «субимперию» Индии), переселенческие колонии (к сер. XIX в. в основном самоуправляющиеся, некоторые со статусом доминиона), протектораты, кондоминиумы (Судан), мандаты (после 1920 г.), военноморские базы (Гибралтар, Мальта), «оккупированные владения» (Египет, Кипр), договорные порты и концессии (Шанхай), сферы влияния (Иран, Афганистан). После 1880 г. у современников для обозначения этого конгломерата вошёл в употребление термин “*Rex Britannica*” (Darwin, 2009, p. 1, Грудзинский, 2015, с. 36–37).

Включение в состав своих владений новых земель означало для колониальной державы необходимость встраивания их в структуру внутриимперских отношений, создания местного аппарата управления, выработки политики в отношении местного населения, которое могло состоять как из туземцев, так и из европейских колонистов, не всегда представленных переселенцами только из метрополии. В историографии, начиная со знаковых работ Э. Саида (Said, 1994), практики имперского строительства Британии широко изучались в самом разнообразном контексте. По мнению исследователей «постколониального» направления, величие Британии определялось имперскими владениями и имперской миссией, а концепт «британского мира» и чувство общности с ним были значимы для всех, проживавших в его границах. От подвергшихся колонизации народов ожидалось полное принятие британских норм поведения и ценностей (Cannadine, 2001, Hall, 2002, Levine, 2007).

Помимо обустройства колониальной администрации, выработки методов управления и эксплуатации территорий, не менее важны здесь были символические аспекты, подтверждавшие законность обладания колонией, её принадлежность к той или иной империи и тесную связь с метрополией (Антонова, 2019). Очевидно, что для британцев, например, первым таким символом выступал появлявшийся на вновь приобретённых землях Юнион Джек. Кроме того, определённые изменения могли произойти во внешнем виде колониального герба или геральдического бейджа (эмблемы), если таковые уже здесь имелись. Если же их раньше не было, то они разрабатывались в метрополии с учётом традиционной британской имперской символики. Нередки случаи, когда старые и новые, британские и туземные или оставшиеся от прежних хозяев (голландцев, испанцев, французов и др.) символы смешивались и видоизменялись.

С эпохи Средневековья геральдическое изображение обладало в сознании человека значением, приближавшимся к значению тотема (Хейзинга, 2011, с. 338). В то же время с наступлением эпохи Великих географических открытий, на заре Нового времени, нанесённые на картах и портуланах гербы не только позволяли узнать королевства, провинции и города, но и обозначали раздел открытых новых земель между европейскими державами. За пределы Европы обычай пользоваться гербами вышел, начиная с XVIII в. – сначала в христианские страны Нового Света, затем в Африку, Азию, Океанию. Произошла интернационализация европейской геральдики, которая часто заменяла традиционные местные символы. Например, в Чёрной Африке все страны обзавелись знамёнами и гербами европейского типа, заменившими племенные и родовые эмблемы (Пастуро, 2003, с. 32, 40). Очевидно, что этот процесс был напрямую связан с принадлежностью территорий Азии и Африки к европейским колониальным империям.

Достаточно распространённой практикой к XIX столетию становится выделение в качестве британской колониальной символики эмблем-бейджей, смысл которых состоял в обозначении некой индивидуальной особенности того или иного заморского владения, нередко изначально существовавшего неофициально символа, присущего только данной территории (Похлебкин, 2001, с. 74). Следует пояснить, что в случае Британской империи, как, впрочем, и в других колониальных державах, наличие колониальной символики не было строго обязательным. Колонии и доминионы получали гербы и другие символы в разное время и при различных обстоятельствах. Часто такое желание выражала местная администрация, что могло быть связано с внутриполитическими событиями, памятными датами, изменениями в административно-территориальном устройстве колонии или её статусе в структуре империи. Так, с высокой долей уверенности можно утверждать, что при разработке гербов Гибралтара и Квинсленда особое мнение, повлиявшее на итоговый выбор, высказывали местные губернаторы. В Австралии до этого существовали и неофициальные символы, в частности так называемый флаг

Боумена. Считается, что полотнище с изображениями кенгуру и эму было впервые поднято сиднейским фермером Джоном Боуменом в 1806 г. в честь победы при Трафальгаре. Затем флаг Боумена использовался в основном в Новом Южном Уэльсе, как неофициальный символ австралийских колоний, а позже стал основой для создания современного герба Австралии (The Bowman flag...). Впрочем, во второй половине XIX столетия, конечно, можно встретить случаи инициативы, исходившей от властей в метрополии. Так, например, в 1860-е гг. издаётся ряд распоряжений, способствовавших разработке гербов британских колониальных владений. Согласно Закону о колониальной морской обороне 1865 г., стало правомерным для любой колонии, при соблюдении определённых условий, содержать свои собственные военные суда, которые могли иметь флаг с эмблемой конкретного колониального владения (Perrin, 1922, p. 121).

В 1869 г. всем колониям был разослан циркуляр с просьбой предоставить в Министерство по делам колоний эскиз герба или бейджа, который должен был украшать центр Юнион Джека, используемого местным губернатором. На тот момент лишь у немногих колоний имелись гербы. Большинство бейджей для флагов основывались на государственной печати, которую должна была иметь каждая колония (Arms of Gibraltar...). В 1905 г. Колониальное управление выпустило циркуляр, призывавший колонии подавать заявки на герб. Сопутствующие расходы брало на себя не министерство, а бюджет колонии, поэтому и решение о подаче заявки принималось самим колониальным правительством. Многие считали, что герб не нужен или не стоит своих затрат. Герольды в Геральдической палате не получали зарплату, и единственным доходом, который они имели, были сборы, взимаемые за проектирование и регистрацию герба. В 1936 г. острова Гилберта и Эллис заплатили 25 фунтов за свой бейдж. Аден и Северная Родезия заплатили по 50 фунтов, а Сент-Люсия также заплатила 50 фунтов за бейдж и новый дизайн печати (British Empire and Overseas Territories...). Таким образом, в течение второй половины XIX – первых десятилетий XX в. большинство колониальных владений Британии приобрели собственные, официально утверждённые имперскими властями гербы и флаги. Для их получения правительство заморской территории должно было направить соответствующий запрос и проект герба в Лондон, где он проходил через Министерство по делам колоний, затем направлялся в Геральдическую палату, при необходимости дорабатывался и утверждался королевским указом.

В британской и в целом зарубежной историографии проблема геральдической символики затрагивалась неоднократно. К фундаментальным работам по этой тематике можно отнести монографию начала XX столетия А. Ч. Фокс-Дэвиса, рассмотревшего в своём исследовании развитие геральдики с опорой на английские примеры и источники (Fox-Davies, 1904). Не менее значимой является и работа В. Г. Перрина (Perrin, 1922), посвящённая истории развития символики на флагах английского флота, увидевшая свет в 1922 г.

Среди специалистов, исследовавших символическую историю западного общества, нельзя не упомянуть и голландского исследователя Й. Хейзинга (Хейзинга, 2011). Одним из наиболее влиятельных и уважаемых современных исследователей геральдики является историк-медиевист М. Пастуро, чьи монографии (Пастуро, 2003; 2012) неоднократно переиздавались за последние годы на разных языках. Австралийский энтузиаст и исследователь Ральф Келли в своих работах основное внимание уделяет истории развития и становления британской символики и, в частности, истории австралийского герба и флага (Kelly R. A flag for the Empire...). Из отечественных исследователей отметим работы В. В. Похлебкина (Похлебкин, 2001), Е. В. Склизковой (2015; 2016) и Л. В. Антоновой (2019).

Основными источниками, которые позволили нам проследить трансформацию геральдических символов колониальных территорий, послужили сборники «Флаги, бейджи и гербы заморских доминионов и протекторатов Его Величества». Они содержали изображения и блазоны гербов, указания на дату их принятия и доступны в нескольких изданиях (Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas, далее – FB&A, P. 1–2, 1910, FB&A, P. 1–2, 1932). Отметим, что в рамках данного исследования основное внимание было сосредоточено на анализе фигур и девизов, представленных на гербах и бейджах британских колониальных владений.

В колониальных эмблемах и гербах, как правило, соседствуют символы британские и непосредственно характеризующие ту или иную территорию. При этом содержание символики и смысловая нагрузка, идущая за её отдельными элементами, в ряде случаев могли эволюционировать на протяжении всего XIX – первой половины XX в. Последовательно изучая эволюцию этой символики, мы можем проследить, как менялась политика Лондона в отношении колоний, какое влияние могли оказывать на неё изменения, происходившие не местах или в самой метрополии, как влияли на геральдическую символику изменения в ситуации на международной арене. Сопоставляя эмблемы и гербы британских колоний с элементами символики заморских владений прочих колониальных держав, в ряде случаев можно проследить преемственность отдельных геральдических элементов, используемых колонизаторами.

Британская символика на гербах колоний

Анализ смыслового наполнения колониальных эмблем и гербов заморских владений Великобритании следует начать со стандартных повторяющихся символов, относящих все указанные владения к метрополии, связывающих колониальную империю воедино.

Во-первых, это, конечно, Юнион Джек – британский флаг, главный символ единства и силы державы. Он безусловно присутствовал в разных вариациях именно как флаг – имперский, флотский, часть колониального.

Но мы не так часто встречаем его среди элементов колониальной символики на гербах и эмблемах. Это Британская Колумбия, Новая Зеландия, герб Сьерра-Леоне (1914 г.) и эмблема Ньюфаундленда (XIX – начала XX в). При этом последний случай особенно интересен, так как Юнион Джек нанесён на щит, принадлежащий одной из фигур, изображённых на эмблеме (FB&A , P. 1, 1910, p. 8, 14, FB&A , P. 1, 1932, p. 21).

Рисунок 1. Герб канадской провинции Британская Колумбия (FB&A, P. 2, 1910, p. 38).

Figure 1. The coat of arms of the Canadian province of British Columbia (FB&A, P. 2, 1910, p. 38).

Андреевский крест и Крест Святого Георга, как символы Англии и Шотландии, также встречались среди геральдических символов британских колоний. Их можно обнаружить на эмблемах и гербах канадских провинций – Новой Шотландии, Манитобы, Онтарио, австралийского Нового Южного Уэльса, а также Фиджи и Ямайки. Чаще всего их присутствие связано с отсылкой к истории британской колонизации региона и преобладающей доле шотландцев или англичан в числе колонистов-переселенцев (See, 2010, p. xxiv, FB&A, P. 2, 1910, p. 23, 25, 27, 33, 36, 38).

Рисунок 2. Герб Ямайки. (FB&A, P. 2, 1910, p. 33).

Figure 2. The coat of arms of Jamaica. (FB&A, P. 2, 1910, p. 33).

Традиционные британские львы и леопарды, а также ирландская арфа широко представлены среди геральдической символики многих колониальных владений: Квебек, Нью-Брансуик, Подветренные острова, Новый Южный Уэльс, Монсерат и др. Иногда это обусловлено историей колонизации региона, однако нередко львы включались в геральдику как необходимый символ метрополии. В отдельных случаях можно уловить в замысле составителей герба или эмблемы намёк на природные особенности региона. (FB&A, P. 2, 1910, p. 24, 26, FB&A, P. 1, 1932, p. 17, 11). Интересна интерпретация эмблемы, использовавшейся британцами для Кипра с начала XX в. – это два британских геральдических льва, намекавшие на историческое прошлое, когда ненадолго в ходе третьего крестового похода остров оказался во власти английского монарха Ричарда Львиное сердце.

Ещё одним распространённым элементом британской символики была корона как символ монархии, скреплявшей единство колониальной империи. Так, например, её можно было увидеть на геральдических эмблемах Наветренных островов, Багамским островов, Квинсленда, Наталя, Стрейт-Сетлментс и др. (FB&A, P. 1, 1910, p. 9, 10, 12, 17, 20).

Рисунок 3. Геральдическая эмблема Багамских островов (FB&A, P. 1, 1910, p. 10)

Figure 3. Heraldic emblem of the Bahamas (FB&A, P. 1, 1910, p. 10)

Обращаясь к традиционной символике, отражавшей роль метрополии в судьбе колонии, остановимся на часто встречавшейся аллегорической фигуре Британии (Britannia). Это персонифицированное изображение Великобритании, которое впервые появилось на монетах ещё в I в. н.э., когда эта территория была провинцией Римской империи. Следует сказать, что античные мотивы нашли определённое отражение и в британской имперской символике. Для британских интеллектуалов, благодаря классическому университетскому образованию владевших латынью и греческим и прекрасно знакомых с древними авторами, было характерно проводить параллели между судьбой Британии и империями древности. С течением времени фигура женщины, обладавшая атрибутами греческой богини Афины (или, в римском варианте, Минервы), стала символом нации. В разные исторические эпохи, в зависимости от конкретных обстоятельств и целей создания того или иного её изображения, облик Британии менялся. Она представляла то поверженной, то победительницей, скорбящей или торжествующей, воинственной или умиротворённой. В период активной колониальной экспансии, политического и экономического доминирования Великобритании в мире, её часто изображали в окружении кораблей, с якорем, щитом и трезубцем Посейдона в руке – символом господства над морями. Фигура Британии превратилась в символ не только Британских островов, но и в консолидированный образ всей империи, появляясь на колониальных марках, эмблемах и гербах. Она стала символизировать собой страну-мать, властительницу и защитницу империи, покровительницу населявших её народов (Hewitt, 2004).

Рисунок 4. Геральдическая эмблема Ньюфаундленда (FB&A, P. 1, 1910, p. 8).

Figure 4. Heraldic emblem of Newfoundland (FB&A, P. 1, 1910, p. 8).

Нельзя сказать, что в геральдике фигура Британии встречалась повсеместно, она чаще появлялась в неофициальной символике. Но можно найти пример на бейджах Ньюфаундленда и Барбадоса. Обратим внимание, что в первом случае щит Британии опущен и как бы отнесён в сторону, что демонстрировало её миролюбивые намерения. Так она чаще всего и изображалась. Во втором случае она владычица морей, с трезубцем, и надо заметить, что в ней можно усмотреть некоторое сходство с королевой Викторией (FB&A, P. 1, 1932, p. 9, 16).

Рисунок 5. Геральдическая эмблема Барбадоса (FB&A, P. 1, 1932, p. 16).

Figure 5. Heraldic emblem of Barbados (FB&A, P. 1, 1932, p. 16).

Здесь же упомянем другие подобные аллегорические фигуры, навеянные античными мотивами и родственные Афине, выступавшей в образе страны-матери. Достаточно часто они встречались на гербах британских островных владений.

На эмблеме Виргинских островов было представлено изображение женской фигуры с лампой в руках, в окружении ещё 11 ламп, отсылавшее к житию дочери британского короля IV в. Св. Урсулы, отправившейся в путешествие с 11 тысячами дев (FB&A, P. 2, 1910, p. 34). Совершая паломничество из Корнуолла в Рим, на обратном пути все они были убиты гуннами. Эмблема отсылает нас к названию островов, корни которого уходят к временам Колумба. Открывший острова в ходе своей второй экспедиции Колумб назвал их в честь Св. Урсулы. Очертания островов якобы напоминали процессию 11 тысяч дев (Магидович, 1983, с. 28). Легенда и исторический контекст появления названия очень удачно подходили для закрепления на этот раз с помощью символов на эмблеме колонии принадлежности территории к британским владениям.

Две фигуры в римских одеждах на гербе Сент-Винсента сопровождалась девизом «Мир и правосудие». В блазоне говорилось, что одна из фигур держит пальмовую ветвь, другая совершает жертвоприношение, но причина такого выбора для Карибской колонии не вполне ясна. Возможно, здесь присутствовало обращение к образу святого Викентия. Св. Викентий в иконографии традиционно изображался молодым человеком в диаконском облачении с пальмовой ветвью в руках. Ветвь в руках женщин менялась в вариациях разных лет: это то пальмовая, то оливковая ветвь. Другие иконографические атрибуты восходят к пыткам, которым был подвергнут святой – решётка для пытки огнём, андреевский крест в форме буквы X, мельничный жёрнов, ворон, по одной из легенд, защитивший мученика от диких зверей. Этот вариант эмблемы был утверждён в 1912 г., и современный герб ему аналогичен (FB&A, P. 1, 1932, p. 18).

В эмблеме острова Монтсеррат имелись прямые отсылки к истории освоения, когда в середине XVII столетия на него были сосланы ирландцы из Старого Света. В первую очередь это были участники восстания, подавленного Кромвелем (Сапрыкин, 1982, с. 166). Отсылки к Ирландии давали зелёные одеяния девы, державшей арфу – традиционный ирландский символ, и крест – символ христианской веры и страдания за неё (FB&A, P. 2, 1910, p. 34).

На гербе Капской колонии присутствовала аллегорическая женская фигура с якорем, опирающаяся на скалу – это Надежда. Здесь это одновременная отсылка и к морскому значению Кейптауна, и к названию мыса Доброй Надежды как самой южной точки британских владений в Африке (FB&A, P. 2, 1910, p. 39).

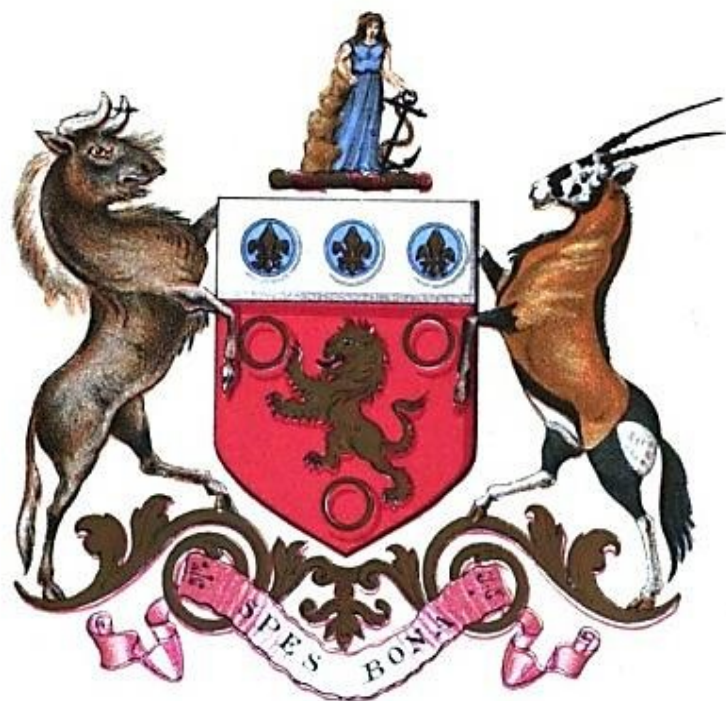

Рисунок 6. Герб Капской колонии (FB&A, P. 2, 1910, p. 39).

Figure 6. Coat of arms of the Cape Colony (FB&A, P. 2, 1910, p. 39).

Были и другие аллегорические образы страны-матери. Так, довольно типичным являлось сравнение Англии с дубом. Говоря об органическом единстве метрополии и колоний, видный теоретик британского империализма Дж. Фруд сравнивал первую с дубом, а вторые с желудями, которые посеяны в далёких и неосвоенных землях и со временем самостоятельно вырастут в сильные большие деревья. Фруд выступал за саморазвитие и самоуправление колонистов, против излишнего вмешательства Лондона в их дела. В то же время он был абсолютно уверен, что неразрывная связь страны-матери и колоний со временем не ослабеет: «Народ Англии создал колонии. Народ дома и народ в колониях – это один народ. Возможно, чувство идентичности в колониях сильнее, чем дома» (Froud, 1886, p. 14). Так развивалась идея, что когда-нибудь колонии «вырастут», мирным образом отделятся от страны-матери и станут самостоятельными. И вот мы видим на гербе канадской провинции острова Принца Эдуарда большой дуб и его саженцы. Девиз на гербе «Малый под защитой великого» как бы намекал на покровительство метрополии над колониями. Можно видеть сходство с этим сюжетом геральдической эмблемы Сейшел – большая пальма и рядом маленькие. На современном гербе только одна большая, – видимо, символизирующая то, что они «выросли» и самостоятельны (FB&A, P. 1, 1910, p. 8, 20).

Рисунок 7. Герб канадской провинции Остров Принца Эдуарда (FB&A, P. 1, 1910, p. 8).

Figure 7. Coat of arms of the Canadian province of Prince Edward Island (FB&A, P. 1, 1910, p. 8).

Можно вспомнить, что ещё один известный идеолог британского империализма Дж. Сили постоянно уподоблял Британию матери, а колонии детям, которые со временем вырастут и станут жить независимо. Сили писал, что «слово империя кажется слишком воинственным и деспотичным, чтобы описать отношение страны-матери к колониям». Чаще вместо этого он использует термин «Более Великая Британия», подчёркивая, что она была создана, в основном, путём мирной колонизации, в отличие от созданных, в основном, военной силой Испанской, Португальской, Голландской империй (Seeley, 1883, p. 37–56).

Продолжая тему растительных символов, нельзя не упомянуть чертополох. Традиционно в массовом сознании он ассоциируется с Шотландией, но в гербе Южной Родезии он появился благодаря Сесилию Родсу: был скопирован с его герба. А вот в гербе Новой Шотландии чертополох даёт прямую отсылку к символу этой самой северной составной части Британских островов. Судьба символики Новой Шотландии достаточно терниста. Первый герб был дарован шотландским колонистам в Канаде ещё Карлом I в 1625 г. и сохранялся до 1860-х гг. Однако в 1868 г., в связи с появлением флага доминиона Канады, в символику Новой Шотландии были внесены серьёзные изменения: вместо шотландского льва и креста Св. Андрея появились три цветка чертополоха и лосось. Старую символику вернули провинции только в 1929 г. (FB&A, P. 2, 1910, p. 25, P. 2, 1932, p. 4).

Рисунок 8. Герб канадской провинции Новая Шотландия (FB&A, P. 2, 1910, p. 25).

Figure 8. Coat of arms of the Canadian province of Nova Scotia (FB&A, P. 2, 1910, p. 25).

Корабли – одни из наиболее часто повторявшихся объектов на колониальных гербах. Разумеется, Британская империя являлась морской державой, и, как писал упомянутый Дж. Фруд, «флот – основа её силы и символ её единства» (Froud, 1886, p. 5). Мы видим корабли на бейджах и гербах Нью-Брансуика, Бермудских островов, Фольклендов, Британской Гвианы, Гренады, Подветренных островов, острова Св. Елены, Гонконга и др. (FB&A, P. 1, 1910, p. 8, 16, 17, 21, 23). При этом часто сложно сказать, имелись ли ввиду военные – или торговые корабли, пришедшие в эти земли с мирными намерениями. Иногда это просто символ флота и моря, защиты страной-матерью. Впрочем, в отдельных случаях в символике присутствовал конкретный корабль, как узнаваемый символ, чаще всего намекавший на право первооткрывателей или первых колонистов, пришедших в эти земли.

Изначально эмблема Бермудских островов, появившаяся в последней трети XIX в., имела достаточно стандартный вид. На ней был изображён морской док и корабли, что отражало важную для островной экономики связь со сферой судоходства и кораблестроения. Однако в 1910 г. в новой колониальной эмблеме основной сюжет был изменён кардинальным образом. Теперь на ней было изображено крушение корабля, которое давало отсылку к истории колонизации островов британцами и, соответственно, отражало исторические права Лондона на данные территории. Что же за корабль изображён терпящим бедствие у Бермудских островов, и почему выбран именно такой сюжет? Гибнущее в морской пучине судно можно ассоциировать с кора-

блём Виргинской компании «Си Венчур». Название переводится как «Морская удача», что тоже достаточно символично. В 1609 г. «Си Венчур» в составе флота, собранного Виргинской компанией, направлялся к первому постоянному английскому поселению на берегу Северной Америки – Джеймстауну, чтобы доставить туда колонистов и необходимые припасы. Однако вблизи от Бермудских островов в непогоду «Си Венчур» отделился от остальных кораблей и потерпел крушение. Все члены экипажа и пассажиры выжили и смогли высадиться на берег, создав здесь первое английское поселение, которое и послужило основой для английской колонии на Бермудах. Многие исследователи полагают, что описание трагичного путешествия и создание колонии на Бермудских островах послужило основой для пьесы Шекспира «Буря» (Andrews, 1984, p. 35). Именно этот сюжет был использован при модернизации герба колонии в начале XX столетия (Silvester, 1613, *Nakluytus Posthumus...* 1906, p. 4–25). Девиз герба гласил “*Quo fata ferunt*” – «Куда занесёт судьба», намекая на то, что освоение данной колонии не было преднамеренным, но случайное стечение обстоятельств, сама «судьба», даровали британцам Бермудские острова.

Рисунок 9. Герб Бермудских островов (FB&A, P. 2, 1932, p. 20).

Figure 9. Coat of arms of Bermuda (FB&A, P. 2, 1932, p. 20).

Не менее интересен и случай Фолклендских островов. Первоначально в отношении Фолклендов использовалась эмблема с изображением парусного корабля, проплывавшего на фоне стоявшего на холме быка или коровы, позже заменённого на изображение овцы, что объяснялось сельскохозяйственной

спецификой региона. Однако на гербе 1925 г. появились абсолютно новые элементы, дававшие прямую отсылку к обладанию территорией по праву открытия (FB&A, P. 2, 1932, p. 23). Считается, что острова впервые были открыты либо Америго Веспуччи (1501 г.), либо Эштеваном Гомишем (1520 г.), участником экспедиции Магеллана, дезертировавшим из одноимённого пролива на вице-адмиральском корабле «Сан-Антонио» (Норе, 1983, p. 398–401). Тогда открытию не придали должного значения, хотя острова в этом районе Атлантики и стали периодически размещать на картах уже в первой половине XVI столетия. Повторное же открытие островов было совершено англичанами уже в конце века. На эмблеме, вероятно, имелся ввиду корабль «Дизайр» капитана Джона Дэвиса, который в августе 1592 г. случайно обнаружил архипелаг в ходе второй неудачной кругосветной экспедиции Томаса Кавендиша (Williamson, 1938, p. 343). На расшифровке к гербу давалось прямое указание на этот корабль, как и в девизе. Несмотря на то, что острова были открыты ещё в начале столетия португальцами и даже нанесены на карты, англичане считали именно открытие Дэвиса первостепенным и дававшим им право претендовать на эту территорию.

Рисунок 10. Герб Фолклендских островов (FB&A, P. 2, 1932, p. 23).

Figure 10. Coat of arms of the Falkland Islands (FB&A, P. 2, 1932, p. 23).

Интересные догадки может представлять и изображённое на гербе Нью-Браунсвика гребное судно. Можно предположить, что именно такой тип корабля не был выбран случайно. Гребное судно может быть скрытой аллю-

зией на то, что эта территория теоретически могла ассоциироваться с Винландом, открытым викингами (FB&A, P. 2, 1932, p. 5).

На эмблемах Фиджи и Гонконга мы можем наблюдать суда, традиционные для местного населения – парусный катамаран и джонку соответственно (FB&A, P. 1, 1910, p. 12, 20).

Преемственность иностранной символики в гербах британских колоний

Как уже было отмечено выше, в гербах и эмблемах британских колоний нередко встречались элементы, несвойственные традиционной символике Британских островов. Это элементы, в силу различных обстоятельств сохранившиеся от прежних колонизаторов, раньше британцев появившихся в том или ином регионе; либо это дань уважения колонистам не британского происхождения, воспринявшим Британскую империю как свою новую родину.

Для начала обратим внимание на геральдическую эмблему Гибралтара – крепость с тремя башнями и ключ. Символика довольно очевидна, ведь эту территорию называли ключом к Средиземноморью, чем и обусловлена многовековая борьба за обладание Гибралтарской скалой между Испанией и Британией. Данный герб был дарован «самому верному городу Гибралтару» Фердинандом и Изабеллой в 1502 г. По Утрехтскому миру 1713 г. Гибралтар перешёл во владение британской короны. Покинувшие его испанцы увезли из архива текст королевского указа об утверждении герба. Впоследствии переселенцы со Скалы обосновались в испанской провинции Кадис, где основали город Сан-Роке. Испания признала город преемником Гибралтара и дала разрешение на использование герба, созданного на основе имевшегося. Что касается ставшего британским Гибралтара, то испанский герб остался в ходу. Девиз на гербе “*Montis Insignia Calpe*” – «Знак Скалы Гибралтара» – появился на знаменах Саффолкского полка, который получил разрешение поместить туда герб Гибралтара в знак признания доблестной роли, которую они сыграли в его осаде. В 1869 г. в связи с упомянутым выше циркуляром колониального ведомства был представлен эскиз бейджа – замок с тремя башнями, ключом и словами “*Montis Insignia Calpe*” под ним, то есть полностью повторявший испанский. Этот дизайн был одобрен тогдашним государственным секретарём и согласован лордами-комиссарами Адмиралтейства. Отличалась только официальная печать колонии с изображением скалы с парусным судном на переднем плане и словами “*Nulli Expugnabilis Hosti*” – «Не завоёванный ни одним врагом»; точное происхождение печати неизвестно. Никаких попыток сменить испанский символ не предпринималось. Напротив, губернатор Гибралтара Чарльз Монро считал, что и изображение на печати должно быть изменено на аналогичное гербу. Государственный секретарь запросил совет у герольдмейстера относительно того, можно ли считать предоставленные Фердинандом и Изабеллой гербы признанными без дополнительного

королевского ордера, и получил одобрение. Таким образом, заверенная и точная копия герба от 1502 г. была зарегистрирована в британской геральдической палате (Arms of Gibraltar..., FB&A, P. 1, 1910, p. 20).

Рисунок 11. Геральдическая эмблема Гибралтара (FB&A, P. 1, 1910, p. 19)

Figure 11. Heraldic emblem of Gibraltar (FB&A, P. 1, 1910, p. 19)

Геральдические лилии можно увидеть на гербе канадской провинции Квебек. Символ флёр-де-лис имеет долгую историю, и его значение толкуют по-разному. С конца XII в. этот цветок стал одной из геральдических фигур, которые в изобилии распространились по Западной Европе. Только со временем цветок лилии начал ассоциироваться с французским королевским домом, а затем и с Францией вообще. (Пастуро, 2003, с. 98–101). Впервые герб появился у Квебека в 1868 г. К тому времени эта территория уже более века принадлежала британцам, однако для герба было выбрано сочетание британского льва (или леопарда, как его называли сами британцы), уже имевшего местного символа, кленового листа, и лилии как напоминания об историческом наследии франкоканадцев. Герб Канадской конфедерации с 1868 г. состоял из объединённых гербов входивших в неё провинций, соответственно, он постепенно расширялся и к 1905 г. включал уже девять частей, что делало его слишком громоздким. Новый официальный герб Доминион Канада получил в 1921 г. На нём сочетание из трёх геральдических лилий можно было увидеть дважды: на одной четверти щита и на знамени, поддерживаемом щитодержателем-единорогом (FB&A, P. 2, 1932, p. 1). Этот герб с небольшими изменениями используется в Канаде до сих пор.

Ещё один элемент, переживавший в канадскую символику в том числе благодаря французскому прошлому, – салический символ солнца в гербе

Британской Колумбии (см. Рисунок 1). В нижней части герба расположено закатное солнце, призванное показать, что Британская Колумбия является самой западной провинцией Канады. Однако полное изображение солнца было представлено и в вариации французского герба Канады, наряду с геральдическими лилиями (подобный герб присутствует, например, на картах Николя де Фера 1718 г.).

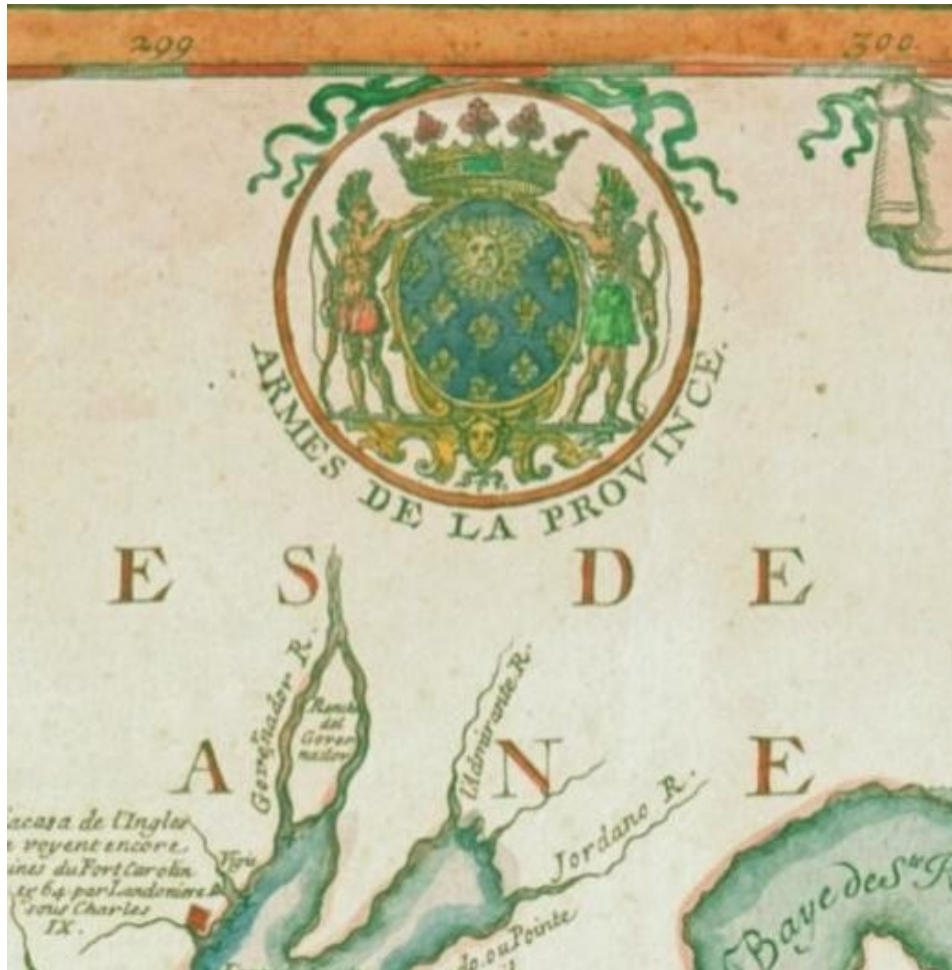

Рисунок 12. Фрагмент карты Николя де Фера 1718 г. с геральдической символикой французских владений в Северной Америке (Fer, 1718)

Figure 12. Fragment of Nicolas de Fer's 1718 map with heraldic symbols of French possessions in North America (Fer, 1718)

Три геральдические лилии присутствовали также на гербе Капской колонии. Как говорилось в блазоне, они символизировали вклад переселенцев-гугенотов в раннюю историю колонии. Здесь же встречались отсылки к португальцам и голландцам. Девиз – “Spes Bona” – можно перевести как «Добрая Надежда». Голландской символики ещё больше. Для неё более типичен лев, изображённый на гербе стоящим на задних лапах. Кольца были

взяты из герба основателя колонии, Ян ван Рибек. Этот герб использовался с 1875 по 1910 г., то есть до образования Южно-Африканского союза (Botha, 1921). В дальнейшем он сохранялся как герб южноафриканской провинции до её административной реорганизации в 1994 г. В настоящее время в геральдике ЮАР этот символ отсутствует.

На геральдической эмблеме Британского Цейлона, в целом повторявшей символику периода португальского и голландского господства над островом, индийский слон. Сам слон сохранялся всегда, а вот фон менялся – то он был изображён окружённым пальмами, то на фоне храма или дворца (FB&A, P. 1, 1910, p. 20).

Рисунок 13. Геральдическая эмблема Британского Цейлона (FB&A, P. 1, 1910, p. 20)

Figure 13. Heraldic emblem of British Ceylon (FB&A, P. 1, 1910, p. 20)

Мальтийский крест – ещё один символ, не очень часто, но встречавшийся в британской геральдике. Его наличие на геральдической эмблеме Мальты можно было бы считать вполне логичным и обусловленным историческим прошлым. Правда, присутствовал он там до 1898 г., а затем остался только бело-красный щит (FB&A, P. 1, 1910, p. 19). А вот на бейдже Квинсленда он смотрелся несколько необычно. Причиной появления мальтийского креста в символике австралийской колонии нет однозначного объяснения (FB&A, P. 1, 1910, p. 12).

Рисунок 14. Геральдическая эмблема австралийской провинции Квинсленд (FB&A, P. 1, 1910, p. 12)

Figure 14. Heraldic emblem of the Australian province of Queensland (FB&A, P. 1, 1910, p. 12)

Колониальные мотивы

Отметив геральдические элементы, привнесённые колонистами и страной-матерью в символику, нельзя не остановиться на собственно колониальных мотивах. К ним можно отнести как элементы хозяйства, отличавшие колонию от прочих территорий и обозначавшие её вклад в процветание всей Британской империи, так и символы, подчерпнутые из природных и этнических особенностей региона: ландшафт и прочие географические реалии, животные и растения – символы колонии, особенности традиционной культуры и этнический состав местного населения.

Географические реалии – распространённый элемент на гербах отдельных колониальных владений, дававший привязку как к природным условиям, так и к территории региона, в котором располагалась колония. К таким реалиям можно отнести горы, реки, острова и очертания побережья, но, вероятно, самым наглядным примером в практике составления эмблем и гербов Британских владений к югу от экватора и важным геральдическим символом были особенности видимой здесь части звёздного неба. Созвездие Южного креста, служившее ориентиром для многих мореходов в южном полушарии, представлено в качестве одного из основных символов на эмблемах и

гербах Новой Зеландии, Австралии и австралийской провинции Виктория (FB&A, P. 1, 1910, p. 12–14).

Скалы и горы достаточно часто представлены на гербах и эмблемах колоний, имевших горный рельеф или известных своими прибрежными скалами. Зачастую, определить, какой конкретно горный пик или скалу имели в виду при составлении бейджа, почти невозможно. Горные вершины и скалы обращают на себя внимание в эмблемах Санта Люсии, Гренады, Тринидада и Тобаго, Св. Елены и др. (FB&A, P. 1, 1910, p. 9, 11, 18).

Флора (растительный мир) и фауна (животный мир) как узнаваемые символы колониального владения всегда присутствовали на гербах и эмблемах не только Британской империи, но и других колониальных держав. Однако благодаря обширности колониальных владений Лондона в рассматриваемый период мы можем наблюдать особое разнообразие этих элементов именно у британцев.

Отличительной особенностью многих заморских владений Британской короны всегда были экзотические растения и животные. И если первые часто, будучи завезёнными в метрополию, становились вполне привычными на взгляд любого европейца (табак, картофель, многочисленные оригинальные растения, которые начали культивироваться в качестве декоративного украшения в садах и домах жителей Старого Света), то представители заморской фауны чаще всего продолжали оставаться диковинкой и необычным отличительным символом той или иной заморской территории, чем не преминули воспользоваться в ходе подготовки губернаторских печатей, а затем и составители колониальных эмблем для флагов и гербов колоний.

Всех животных на гербах и эмблемах колоний можно условно разделить на две категории. К первой категории относятся животные, имеющие широкое распространение не только на территории колониального владения, но и далеко за его пределами, однако при этом всё же ставшие узнаваемым символом конкретных колоний. Ко второй категории отнесём животных-эндемиков, существовавших только на территории данного британского колониального владения.

К первой категории мы можем отнести таких распространённых в геральдике животных как буйвол, медведь, лось и олень. Буйвол красуется на гербе канадской провинции Манитоба. Медведь, как и канадский олень, включён в герб Онтарио в силу того, что они являются достаточно распространёнными в провинции животными. К ним же можно отнести и лося, представленного в гербе провинции. Кроме того, лось представлен и в гербе Ньюфаундленда; однако здесь он закрепился только в XX столетии. Несмотря на то, что сейчас это животное доминирует среди крупной фауны острова, он является интродуцентом. Интересно, что сам современный герб является калькой с герба, дарованного сэру Дэвиду Керку ещё в первой половине XVII в. (утверждён патентом от 1 января 1637 г.), когда он официально владел Ньюфаундлендом (FB&A, P. 2, 1932, p. 18, Hatton, 1883, p. 32-33). На гербах и эмблемах XIX – начала XX в.

в отношении Ньюфаундленда обыгрываются античные аналогии к названию острова (FB&A, P. 2, 1932, p. 6, 12).

Среди необычных животных можно указать морского льва. Именно это морское млекопитающее соседствует с изображением английского галеона на гербе Фолклендских островов с 1914 г. (FB&A, P. 2, 1932, p. 23). Среди экзотических животных можно также упомянуть крокодила на гербе Ямайки (FB&A, P. 2, 1910, p. 33).

Однако есть и более распространённые в геральдике животные, что, впрочем, не отменяет того факта, что их выбор в конкретном случае был связан с тем, что колония ассоциируется с указанным животным в силу его широкого распространения в данном регионе. Это тигры, леопарды и львы. Тигры – представлены на гербе Федеративных Штатов Малайи. Леопард, как один из самых могучих и опасных хищников Африки, с 1925 г. изображался на эмблеме и гербе Ньясаленда. А на эмблеме Британской Восточной Африки (позже Кении) размещался вздыбленный красный лев (FB&A, P. 1, 1932, p. 19, FB&A, P. 2, 1910, p. 24).

Наконец, ещё одним достаточно распространённым животным, появляющимся на гербах, был упоминавшийся выше слон. Слоны обитают в Африке и Юго-Восточной Азии, и в этих регионах оказались разбросаны британские колониальные владения, соседствовавшие с колониями прочих европейских колониальных держав (Франция, Голландия, Германия и др.). Индийский слон выступал как символ Цейлона, перекочевавший от голландцев, с одной стороны; а с другой, он был узнаваемым животным в регионе. Слон африканский присутствует сразу на нескольких эмблемах, являющихся по сути точной копией друг друга, за исключением букв на их фоне – Гамбия и Золотой берег. Примечательно, что географически территории находились в Западной Африке, однако были разделены огромными расстояниями. Вместе с тем изначально эмблема для них была одинаковой, отличаясь только буквенными обозначениями территорий. Такой же была эмблема Сьерра-Леоне, с буквами «S.L.», однако уже в 1914 г. территория получила отдельную оригинальную эмблему (FB&A, P. 2, 1932, p. 31), в то время как Гамбия и Золотой берег сохранили изначальные эмблемы со слонами намного дольше (FB&A, P. 1, 1932, p. 21, 23).

Среди животных, появляющихся на гербах и эмблемах, можно упомянуть сельскохозяйственных животных и символы с ними связанные. Понятно, что их наличие в геральдической символике объясняется важностью сферы животноводства и в целом сельского хозяйства для той или иной колонии. Так, быки, одомашненные буйволы или коровы встречаются в символике провинции Квинсленд и Фолклендских островов до 1914 г., а овцы или овечье руно в символике Нового Южного Уэльса, Квинсленда, Тасмании и Новой Зеландии (FB&A, P. 1, 1910, p. 11, P. 2, 37, FB&A, P. 2, 1932, p. 12, 14, 15, 16).

Ко второй категории мы отнесли животных-эндемиков. Они встречались только в ограниченных регионах, подконтрольных британцам, что часто опре-

деляло выбор именно этих зверей в качестве отличительного символа в колониальной геральдике.

Огромное число необычных, запоминающихся эндемичных видов животных было обнаружено в рассматриваемый период на территории Австралии и близлежащих островных владений Великобритании. Страус эму и кенгуру представлены в гербе Австралии. Кроме того, кенгуру, как своеобразный австралийский символ (фактически тотемное животное), включён в герб Нового Южного Уэльса в качестве щитодержателя вместе с гербовым вздыбленным львом, и в герб провинции Виктория, где это экзотическое животное держит корону (FB&A, P. 2, 1932, p. 12, 13).

Однако список эндемиков региона на эмблемах и гербах можно продолжить. Тасманский волк выступает щитодержателем в гербе Тасмании. Стоит отметить, что к моменту появления его на гербе он, с одной стороны, воспринимался как символ Тасмании, а с другой, уже находился на грани исчезновения. Чёрный лебедь был представлен на эмблеме Западной Австралии. На самом деле эта птица, обитающая именно в данном регионе мира, может считаться его узнаваемым и ярким символом, хотя уже к XIX в. птиц в качестве особой диковинки вывезли за пределы колонии. Ворона-свистун, или, как её называли сами австралийцы, «белоспинная сорока», была изображена на фоне восходящего солнца на эмблеме Южной Австралии с начала XX столетия (FB&A, P. 1, 1932, p. 11, 12).

Не меньше уникальных животных мы встречаем на гербах и эмблемах африканских владений британской короны. В герб Южно-Африканского союза включены чёрные гну, антилопа прыгун спрингбок и сернобык (орикс). Антилопа куду в начале XX столетия была размещена на эмблеме Сомалиленда. При этом, помимо изображения головы и плеч антилопы, на эмблеме отсутствовали другие символы. Восточный венценосный журавль, или африканский балеарский журавль, появляется на эмблемах британского протектората в Уганде к 1914 г. (FB&A, P. 1, 1932, p. 19, FB&A, P. 2, 1932, p. 17).

На эмблеме Сейшельских островов чётко определяются очертания морской черепахи на берегу. Однако наиболее интересным примером может выступать герб Маврикия. На нём с 1906 г. в качестве щитодержателей были представлены Додо и Индийский замбар. При этом додо, или маврикийский дронг, к моменту включения его в состав герба Маврикия давно вымер, но его ассоциация с островом сыграла ключевую роль в решении включить его в состав нового герба. Замбар, в свою очередь, являлся интродуцентом, вероятно, завезённым на остров голландцами (FB&A, P. 1, 1932, p. 23, P. 2, 1932, p. 28).

Растительный мир зачастую был не менее богат и важен для хозяйственного освоения той или иной колонии в составе Британской империи. Однако здесь, в отличие от фауны, мы можем предложить несколько отличный принцип деления – это аборигенные виды растений, присутствовавшие в природном ареале колоний до прихода европейцев, и растения-интродуценты, привнесённые извне, обычно активно культивировавшиеся и ставшие

залогом богатства и процветания региона и, соответственно, одним из неотъемлемых символов самой колонии.

Как было отмечено, часто размещаемые на гербах растения напрямую были связаны с причиной активного освоения конкретной территории. При этом чаще всего растение не являлось эндемиком, а было завезено колонистами. Сельское хозяйство стало залогом процветания для многих уголков Британской колониальной империи. Вероятно, именно по этой причине самыми распространёнными растениями на гербах и эмблемах, конечно, являются злаковые культуры, колосья и снопы пшеницы. Их можно встретить на гербах и эмблемах канадских провинций Саскачеван и Альберта, Новой Зеландии, Квинсленда, Нового Южного Уэльса, Тасмании с 1917 г., а также среди плодов в роге изобилия у одной из фигур щитодержателей в гербе австралийской провинции Виктория (FB&A, P. 2, 1932, p. 9, 10, 12–16). Для тропических и субтропических регионов одним из самых распространённых примеров подобного интродуцента выступал сахарный тростник. Он присутствует на гербах и эмблемах Квинсленда, Фиджи, Маврикия (FB&A, P. 2, 1932, p. 14, 25, 28). В гербе Сент-Винсента от 1912 г. представлен побег хлопка, который активно возделывался на острове на протяжении XIX столетия.

В качестве необычного примера (своеобразного исключения из правил) можно вспомнить упоминавшийся выше чертополох на гербах Новой Шотландии и Южной Родезии, однако это был именно привнесённый геральдический элемент, т. к. подобное растение не было широко распространено на территории указанных колоний и тем более не имело хозяйственного значения (FB&A, P. 2, 1932, p. 30).

Перечисляя примеры аборигенных растений в символике колоний, можно обратиться к эмблеме Ньясаленда, существовавшей до 1914 г. и использовавшей долгое время символику Британского Центральноафриканского протектората. Здесь центральным символом выступало зелёное дерево с небольшими красными плодами, размещавшимися ближе к стволу. В его очертаниях узнаётся так называемый гвинейский перец, или малагетта, ценившийся в своё время за свои кулинарные качества (Магидович, 1982, с. 250, FB&A, P. 1, 1932, p. 19).

Однако, вероятно, самым распространённым символом на эмблемах и гербах британских владений, располагавшихся в тропических и субтропических регионах, конечно, выступала пальма, как яркий символ местной флоры. Она присутствует среди символов Гамбии, Золотого Берега и Сьерра-Леоне, Трансвааля, Фиджи и Сейшельских островов. При этом последние два случая особо примечательны. На эмблеме Фиджи британский лев держит в лапах очищенный кокос, а в бейдже Сейшельских островов вновь обыгрывается история с большим и порослью малых деревьев, о чём мы упоминали выше. В символике британской колонии на полуострове Малакка – Стрейтс-Сетлментс, – представлены сразу два растения: пальма и керуинг, чья древе-

сина очень ценилась за её необычный цвет, текстуру и прочность (FB&A, P. 1, 1932, p. 21, 23, 27).

Среди прочих деревьев, представленных на гербах и эмблемах британских колоний, можно вспомнить упомянутый выше дуб и, конечно, канадский клён, который очень быстро стал символом этого британского доминиона и отдельных его провинций, закрепившись в геральдической символике Квебека, Онтарио и собственно самой Канады (FB&A, P. 2, 1932, p. 1-3).

Экзотические фрукты одновременно символизируют и тропический жаркий климат далёких имперских владений, и их богатство. Так, например, среди элементов эмблемы Фиджи представлена связка бананов. Впрочем, самым распространённым в этой череде символов, конечно, будет ананас. Он присутствует в символике Ямайки, Фиджи, Подветренных островов (FB&A, P. 1, 1932, p. 17, 27).

Следующая группа символов связана с изобилием, преуспеванием, процветанием колоний в составе Британской империи. Довольно часто в геральдической символике британских заморских владений встречаются орудия труда, характеризующие особенности экономической эксплуатации колониальных богатств. О связи с экономическим процветанием кораблей, растений и животных на гербах и эмблемах колоний мы уже говорили выше. Какие же ещё сферы торговли и производства нашли своё отражение в символике колоний?

Для островов Теркс и Кайкос доминирующим элементом среди символики выступают корабль и два соляных холма на берегу, дающие отсылку к развитой здесь отрасли добычи соли и её морскому экспорту. На ранней эмблеме Бермудских островов представлен сухой док, отражающий значимость судоходства и судостроительной отрасли для региона. Топоры и пилы на эмблеме Британского Гондураса характеризуют роль заготовки леса в экономике колонии (FB&A, P. 1, 1910, p. 10).

На гербе Родезии изображена кирка, характеризующая богатства рудников региона. На кирку и лопату опирается лапой британский лев в гербе Тасмании. На гербе Новой Зеландии и австралийского Квинсленда нашли отражение сразу все отрасли местного хозяйства. В первом случае это скрещённые молоты горнодобытчиков, сноп ржи и золотое руно, а в случае австралийской провинции – сноп ржи, головы быка и овцы, кирка и лопата золотодобытчика, лежащие перед грудой камней, из которой выступает золотой обелиск (FB&A, P. 2, 1932, p. 14, 15, 16, 19).

Нередко орудия труда держат в руках жители колоний, чаще всего это туземцы в традиционных одеждах, обычно выполняющие роль щитодержателей герба. Здесь нельзя не вспомнить о развитой британскими теоретиками империализма идее цивилизаторской миссии метрополии. Так, например, Дж. Фруд писал, что единственным достойным занятием для цивилизованного человека является земледелие. Именно склонностью и

умением колонистов должным образом обрабатывать землю Фруд оправдывал их права на освоение плодородных земель, которые «дикари не используют сами и не дают другим». Высокая миссия британцев, по мнению Фруда, состоит в том, чтобы «держат туземцев под контролем, воспитывать в них привычку к труду» (Froud, 1886, p. 5).

Отдельно отметим герб Британского Гондураса, где щитодержателями выступают два темнокожих юноши, с топором и веслом или дубинкой в руках. Более распространённые туземные образы хоть внешне и отличаются друг от друга, зачастую стандартизированы. Туземцы представлены в традиционных одеяниях на гербах и эмблемах Фиджи, Сьерра-Леоне, Ямайки и Новой Зеландии. В руках у них часто можно увидеть экзотические фрукты и оружие. В европейской геральдике изображение оружия довольно распространено. В колониальной таких примеров почти нет, а если и есть, то это традиционное примитивное оружие аборигенов. Туземцы держат в руках дубинки, луки и копья, – предметы, отражающие в первую очередь особенности местной традиционной культуры, такой же неотъемлемый элемент в сознании европейцев, как традиционные набедренные повязки и накидки из шкур, элемент местного национального костюма у туземцев (FB&A, P. 2, 1932, p. 16, 25, 26, 31).

Выводы

Таким образом, анализ британской колониальной геральдики показывает, что её символика была наполнена многослойным смысловым содержанием. Подчеркнём, что здесь не могло быть ничего случайного. До определённого времени сам факт наличия у колонии герба не был обязательным, но в случае соответствующей местной инициативы он в любом случае утверждался в лондонской геральдической палате. Позже колонии обязали разработать официальные символы, и образцом для них часто становилась государственная печать или проводились прямые заимствования из британской геральдики, компилировавшиеся с новыми элементами.

В колониальных гербах, как правило, сочетались традиционные собственно британские элементы и символы, имевшие местное значение. Первые давали отсылку к стране-матери Англии, а также в ряде случаев к другим частям Британского королевства – Шотландии, Уэльсу или Ирландии, если переселенцы оттуда сыграли важную роль в основании и дальнейшей судьбе колоний. К таким элементам относился Юнион Джек, крест Св. Георга и Андреевский крест, традиционные британские львы и леопарды, короны и прочие символы. Стилистически они копировали образцы из геральдики Британии. К этой же категории символов относятся аллегорические фигуры самой Британии, Надежды и др., а также изображения дубов. Примечательно, что именно в колониальных гербах и бейджах нашлось место этим обычно неофициальным символам Англии и её империи. О силе, влиянии, военной и

коммерческой мощи Британской державы напоминали корабли – один из наиболее часто повторявшихся элементов.

Появление на гербах британских территорий символов других государств можно трактовать двояко. Во-первых, метрополия огромное значение придавала сохранению единства внутри империи. В преемственности геральдической символики можно увидеть свидетельство того, как она заботилась о сохранении и уважении, хотя бы внешнем, к исторической памяти потомков не-англичан, заселявших в своё время те или иные земли, а позже оказавшихся под властью британской короны. Таковы, например, французы в Канаде или голландцы в Южной Африке. В то же время всё это косвенно свидетельствовало о мощи Британской империи, непрерывно ведшей территориальную экспансию и подчинившей территории, ранее принадлежавшие другим европейским метрополиям.

Наконец, отметим использование местной колониальной символики. Нередко она возникала по инициативе самих колонистов или местной администрации, как было, например, в Австралии. Смысловое наполнение подобной символики, как правило, было достаточно прямолинейным: фигуры туземцев, флора и фауна, орудия труда и природные объекты. Распространёнными элементами в колониальной геральдике выступали символы, намекающие на развитый аграрный сектор колоний. Помимо этого, часто символами колоний в их гербах и эмблемах становились инструменты, указывающие на добывающие отрасли экономики – пилы, топоры, лопаты, кирки и молоты горнодобытчиков. В этом своеобразно отражалась история присоединения и освоения конкретных территорий, особенности культуры и хозяйственной жизни, этнического состава населения, политико-административный статус в империи. Некоторые из этих символов и образов можно трактовать как отражение идеи мирного сосуществования различных народов, процветания и развития под британским правлением, цивилизаторской миссии Британии и «бремени белых» при строительстве колониальной империи.

Финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда «“Другой” колонизатор: имперское соперничество в колониальных дискурсах и нарративах Нового времени» № 23-28-01269, <https://rscf.ru/project/23-28-01269/>

Список литературы

- Andrews, K. R. (1984). *Trade, plunder and settlement. Maritime enterprise and the genesis of the British Empire, 1480–1630*. Cambridge University Press.
- Arms of Gibraltar. National Symbols. (n.d.). Government of Gibraltar. <https://web.archive.org/web/20141113200625/https://www.gibraltar.gov.gi/national-symbols>

- Botha, C. G. (1921). *The French refugees at the Cape*. Cape Times Limited.
- British Empire and Overseas Territories. *Flags of the World*. (n.d.). Flags of the World. <https://fotw.info/flags/index.html>
- Cannadine, D. (2002). *Ornamentalism: How the British saw their Empire*. Oxford University Press.
- Darwin, J. (2009). *The Empire project: The rise and fall of the British world-system, 1830–1970*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511635526>
- Fer, N. de. (1718). *Le cours du Missisipi ou de St. Louis fameuse riviere d’Amerique Septentrionale* [The course of the Missisipi or St. Louis, North America’s famous river]. Chez Benard. (In French).
- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part I. Flags and Badges*. (1910). Darling & Son Ltd.
- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part I. Flags and Badges*. (1932). His Majesty Stationary Office.
- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part II. Arms*. (1910). Darling & Son Ltd.
- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part II. Arms*. (1932). His Majesty Stationary Office.
- Fox-Davies, A. Ch. (1904). *The Art of Heraldry: An Encyclopedia of Armory*. T.C. & E.C. Jack.
- Froud, J. A. (1886). *Oceana or England and her colonies*. Longmans, Green.
- Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells by Englishmen and others (Vol. 19). (1906). James MacLehose and Sons.
- Hall, C. (2002). *Civilising subjects: Metropole and colony in the English imagination, 1830–1867*. Polity.
- Hatton, J. (1883). *Newfoundland: The oldest British colony. Its history, its present condition and its prospects in the future*. Chapman & Hall.
- Hewitt, V. (2004). Britannia. In H. C. G. Matthew & B. Harrison (Eds.), *The Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/68196>
- Hope, A. F. J. (1983). Sovereignty and Decolonization of the Malvinas (Falkland) Islands. *Boston College International and Comparative Law Review*, 6, 391–446.
- Kelly, R. (n.d.). *A Flag for the Empire*. <https://web.archive.org/web/20230813214957/https://www.flaginstitute.org/wp/wp-content/uploads/2022/11/ICV27-B8-Kelly.pdf>
- Levine, P. (2007). *The British Empire: Sunrise to sunset*. Pearson Longman.
- Perrin, W. G. (1922). *British Flags. Their Early History, and their Development at Sea; with an Account of the Origin of the Flag as a National Device*. Cambridge University Press.
- Said, E. W. (1994). *Culture and imperialism*. Vintage Books.
- See, S. W. (2010). *The history of Canada*. Grey House Pub.
- Seeley, J. R. (1883). *The expansion of England. Two courses of lectures*. Macmillan & Co, Ltd.
- Silvester, J. (1613). *A plaine description of the Barmudas, now called Sommer Ilands*. Printed by W. Stansby for W. Welby.
- The Bowman Flag*. (n.d.). State Library of NSW. <https://www.sl.nsw.gov.au/stories/bowman-flag>
- Williamson, J. A. (1938). *The Age of Drake*. A. & C. Black.

- Антонова, Л. В. (2019). К вопросу о символике британских колоний. *Метаморфозы истории*, 14, 165–189.
- Грудзинский, В. В. (2015). *Великобритания и её империя в сер. XIX в: Либерализм и проблема модернизации*. Энциклопедия.
- Магидович, И. П., & Магидович, В. И. (1982). *Очерки по истории географических открытий в 5 томах. Часть 1. Просвещение*.
- Магидович, И. П., & Магидович, В. И. (1983). *Очерки по истории географических открытий в 5 томах. Часть 2. Просвещение*.
- Пастуро, М. (2003). *Геральдика*. Астрель, АСТ.
- Пастуро, М. (2012). *Символическая история европейского средневековья*. Alexandria.
- Похлебкин, В. В. (2001). *Словарь международной символики и эмблематики*. Международные отношения.
- Сапрыкин, Ю. М. (1982). *Английское завоевание Ирландии (XII–XVII вв.)*. Высшая школа.
- Склизкова, Е. В. (2015). Геральдика как компонент семиотик России и Британии: Традиции и заимствования. *Вестник славянских культур*, 1, 44–54.
- Склизкова, Е. В. (2016). Геральдический аспект культурной самоидентификации нации: Британия – Россия. *Вестник славянских культур*, 1, 65–75.
- Хейзинга, Й. (2011). *Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*. Издательство Ивана Лимбаха.

References

- Andrews, K. R. (1984). *Trade, plunder and settlement. Maritime enterprise and the genesis of the British Empire, 1480–1630*. Cambridge University Press.
- Antonova, L. V. (2019). To the Problem of the British Colonial Symbols. *Metamorphoses of History*, 14, 165–189. (In Russian).
- Arms of Gibraltar. National Symbols. (n.d.). Government of Gibraltar. <https://web.archive.org/web/20141113200625/https://www.gibraltar.gov.gi/national-symbols>
- Botha, C. G. (1921). *The French refugees at the Cape*. Cape Times Limited.
- British Empire and Overseas Territories. Flags of the World*. (n.d.). Flags of the World. <https://fotw.info/flags/index.html>
- Cannadine, D. (2002). *Ornamentalism: How the British saw their Empire*. Oxford University Press.
- Darwin, J. (2009). *The Empire project: The rise and fall of the British world-system, 1830–1970*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511635526>
- Fer, N. de. (1718). *Le cours du Missisipi ou de St. Louis fameuse riviere d'Amerique Septentrionale* [The course of the Missisipi or St. Louis, North America's famous river]. Chez Benard. (In French).
- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part I. Flags and Badges*. (1910). Darling & Son Ltd.

- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part I. Flags and Badges.* (1932). His Majesty Stationary Office.
- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part II. Arms.* (1910). Darling & Son Ltd.
- Flags, Badges and Arms of the British Dominions beyond the Seas. Part II. Arms.* (1932). His Majesty Stationary Office.
- Fox-Davies, A. Ch. (1904). *The Art of Heraldry: An Encyclopedia of Armory.* T.C. & E.C. Jack.
- Froud, J. A. (1886). *Oceana or England and her colonies.* Longmans, Green.
- Grudzinski, V. V. (2015). *Great Britain and its Empire in the mid- 19th century: Liberalism and the Problem of Modernization.* Encyclopedia. (In Russian).
- Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, contayning a History of the World, in Sea Voyages, and Lande Travells by Englishmen and others (Vol. 19). (1906). James MacLehose and Sons.
- Hall, C. (2002). *Civilising subjects: Metropole and colony in the English imagination, 1830–1867.* Polity.
- Hatton, J. (1883). *Newfoundland: The oldest British colony. Its history, its present condition and its prospects in the future.* Chapman & Hall.
- Hewitt, V. (2004). Britannia. In H. C. G. Matthew & B. Harrison (Eds.), *The Oxford Dictionary of National Biography.* Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/ref.odnb/68196>
- Hope, A. F. J. (1983). Sovereignty and Decolonization of the Malvinas (Falkland) Islands. *Boston College International and Comparative Law Review*, 6, 391–446.
- Huizinga, J. (2011). *The Autumn of the Middle Ages, The Waning of the Middle Ages, or Autumntide of the Middle Ages.* Izdatelstvo Ivana Limbakha. (In Russian).
- Kelly, R. (n.d.). *A Flag for the Empire.* <https://web.archive.org/web/20230813214957/https://www.flaginstitute.org/wp/wp-content/uploads/2022/11/ICV27-B8-Kelly.pdf>
- Levine, P. (2007). *The British Empire: Sunrise to sunset.* Pearson Longman.
- Magidovich, I. P., & Magidovich, V. I. (1982). *Essays on the history of geographical discoveries in 5 volumes. Part 1.* Prosveshchenie. (In Russian).
- Magidovich, I. P., & Magidovich, V. I. (1983). *Essays on the history of geographical discoveries in 5 volumes. Part 2.* Prosveshchenie. (In Russian).
- Pastoureau, M. (2003). *Heraldry.* Astrel, AST. (In Russian).
- Pastoureau, M. (2012). *Symbolic history of the European Middle Ages.* Alexandria. (In Russian).
- Perrin, W. G. (1922). *British Flags. Their Early History, and their Development at Sea; with an Account of the Origin of the Flag as a National Device.* Cambridge University Press.
- Pokhlebkin, V. V. (2001). *Dictionary of international symbols and emblematics.* International relations. (In Russian).
- Said, E. W. (1994). *Culture and imperialism.* Vintage Books.
- Saprykin, Y. M. (1982). *The English conquest of Ireland (12th–17th centuries).* Higher School. (In Russian).
- See, S. W. (2010). *The history of Canada.* Grey House Pub.
- Seeley, J. R. (1883). *The expansion of England. Two courses of lectures.* Macmillan & Co, Ltd.
- Silvester, J. (1613). *A plaine description of the Barmudas, now called Sommer Ilands.* Printed by W. Stansby for W. Welby.

Sklizkova, E. V. (2015). Heraldry as a Component of Russian and British Semiotics: Traditions and Borrowings. *Vestnik slavyanskikh kultur*, 1, 44–54. (In Russian).

Sklizkova, E. V. (2016). Heraldic Aspect of Cultural Self-Identification of a Nation: Britain – Russia. *Vestnik slavyanskikh kultur*, 1, 65–75. (In Russian).

The Bowman Flag. (n.d.). State Library of NSW. <https://www.sl.nsw.gov.au/stories/bowman-flag>

Williamson, J. A. (1938). *The Age of Drake*. A. & C. Black.